

О формах систематизации исторических памятников права

С. В. Стрельников

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В юридической и исторической науках сложились разные оценки относительно форм систематизации русского законодательства XI–XIX вв., что отразилось и на учебной литературе. Одни и те же исторические памятники права (Русская Правда, Судебники, Соборное уложение, Полное собрание законов Российской империи, Свод законов Российской империи) исследователи относят то к инкорпорации, то к кодификации законодательства. Зачастую срабатывают устоявшиеся стереотипы восприятия. С одной стороны, в юридической литературе отсутствует единое мнение о количестве форм систематизации, с другой стороны, существуют опасения исследователей о допустимости переноса современных юридических дефиниций на исторические памятники права. Данная проблема актуальна и при характеристике зарубежных памятников права.

Ключевые слова: систематизация, инкорпорация, кодификация, законодательство, Русская Правда, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г.

Для цитирования: Стрельников С. В. О формах систематизации исторических памятников права // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 128–142. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_128. EDN: QVTUMA

On the Forms of Systematization of Historical Monuments of Law

Sergey V. Strelnikov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

Legal and historical sciences have developed different approaches regarding the forms of systematization of Russian legislation for the period of XI–XIXth centuries, and this situation is reflected in educational literature. The same historical monuments of law (Russkaya Pravda, Sudebniki, Sobornoye Ulozhenie, the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, the Code of Laws of the Russian Empire) are classified either as incorporation or as codification of legislation. The established stereotypes often come into play. On the one hand, legal literature lacks consensus on the number of forms of systematization, while on the other hand, researchers tend to have doubts about the validity of applying modern legal definitions to historical monuments of law. This problem is also relevant when characterizing foreign monuments of law.

Key words: systematization, incorporation, codification, legislation, Russkaya Pravda, Sudebnik of 1497, Sydebnik of 1550, Sobornoye Ulozhenie of 1649.

For citation: Strelnikov, S. V. (2025) O formah sistematzacii istoricheskikh pamyatnikov prava [On the Forms of Systematization of Historical Monuments of Law]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 128–142. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_128. EDN: QVTUMA

Введение

В современной теории права существуют разные оценки о количестве форм систематизации нормативно-правовых актов. Так, С. В. Липень выделяет три формы – инкорпорация, кодификация и консолидация [8, с. 133]. При этом С. С. Алексеев под формами систематизации понимал «способы достижения целей систематизации», к которым относил лишь две формы – инкорпорацию и кодификацию. Наряду с этим ученый рассматривал кодификацию и как «вид правотворчества, в ходе которого достигаются цели систематизации». Отмечалось, что «предметом упорядочения при кодификации являются не нормативные акты, а непосредственно юридические нормы»¹. В. А. Сивицкий согласился с тем, что формами систематизации являются кодификация и инкорпорация, тогда как выделение консолидации выглядит спорным [12, с. 12–16]. Однако С. С. Алексеев считал консолидацию «своеобразным видом систематической инкорпорации», который «близок к кодификации», поскольку является, по существу, новым актом². Иногда исследователи добавляют четвертую форму систематизации – учет, связанный со справочно-информационной работой³. Как отмечает С. В. Липень, «эту деятельность, безусловно, важную в практическом отношении, можно анализировать вне процессов систематизации законодательства; все-таки ее сложно ставить в один ряд с инкорпорацией и кодификацией» [8, с. 135]. Следовательно, в научной литературе отсутствует единое мнение о количестве форм систематизации.

А можно ли определить форму систематизации у исторических памятников права? Как отмечают исследователи, этот вопрос вызывает явные затруднения [6, с. 107]. Та-

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юридическая литература, 1982. Т. 2. С. 254.

² Там же. С. 262–263.

³ Там же. С. 266–267.

кие исторические памятники законодательства, как свод законов Юстиниана, Русская Правда, Судебник 1497 г., Соборное уложение 1649 г., Свод законов Российской империи и др., в одном из учебников по теории государства и права приводят в качестве примеров инкорпорации¹. Там же дается определение инкорпорации законодательства как объединения «нормативных актов по хронологическому, предметному или иному основанию в единый свод, собрание или сборник, где каждый из актов сохраняет своё самостоятельное юридическое значение»².

Русская Правда

Попробуем определить, к какому виду систематизации относится Русская Правда. В литературе часто можно встретить мнение о том, что это свод законов Древней Руси. Сама формулировка «свод законов» как бы подталкивает к мысли, что это не один закон, а несколько. Итак, Русская Правда – это один нормативно-правовой акт или собрание нескольких актов?

Известно, что Русская Правда – это памятник права, который изменялся на протяжении XI–XVII вв. Эти редакционные изменения текста в результате частых переработок отразились в большом количестве списков, дошедших в составе рукописных сборников.

В Русской Правде исследователи при изучении рукописных сборников выделяют три редакции (Краткую, Пространную и Сокращенную). Самой ранней принято считать Краткую редакцию. Однако и в ней структурно выделяют группы статей, которые можно отнести к разному времени: Правда Ярослава, Правда Ярославичей, Покон вирный и Урок мостникам. Можно ли их считать отдельными нормативными актами, т. е. законами, или

¹ Теория государства и права: учеб. / под ред. Г. Г. Бернацкого. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 532–533.

² Там же. С. 532.

перед нами уже результат переработки Правды Ярослава путем добавления новых статей? В качестве отдельных юридических актов данные тексты до нас не дошли. Использовались ли они самостоятельно (вне Русской Правды) в судебной практике, нам тоже неизвестно. А значит, оснований считать Русскую Правду инкорпорацией нет.

Является ли Русская Правда консолидированным актом? Консолидация – это объединение нормативных актов в укрупненный акт в рамках одного предмета правового регулирования, без изменения содержания правовых норм, но с отменой исходных актов. Отсутствие исходных актов и последующие редактирования Русской Правды, включение в нее новых пластов статей и исключение устаревших норм привело к созданию новых редакций, к которым можно отнести Пространную и Сокращенную редакции. Такие изменения характерны для работы кодификатора [13, с. 21].

Источником создания норм для Русской Правды могла быть судебная практика. Это следует из ст. 23 Краткой редакции Русской Правды, которая устанавливала штраф за убийство княжеского конюха: «А конюх старый у стада – 80 гривен, яко устави Изяслав в своем конюсе, его же убили Дорогобудьци». Судебное решение князя Изяслава по делу об убийстве жителями города Дорогобужа повлекло за собой установление правовой нормы, которая и нашла отражение в Правде Ярославичей. Как видим, Краткая редакция Русской Правды содержит в себе правовые нормы, возникшие в результате переработки судебных решений. Примечательно, что Пространная редакция Русской Правды имеет заголовок «Суд Ярослава Владимировича».

Итак, Русская Правда – это исторический памятник права, возникший вследствие кодификации правовых позиций и княжеских установлений.

Отметим, что исторически нормативно-правовые акты возникали на основе правоприменительных актов. Сохранилась уставная грамота митрополита Киприана Царе-Константиновскому монастырю 1391 г. Основанием появления грамоты стал суд между монастырскими крестьянами и монастырем о взимаемых игуменом в нарушение старины (т. е. обычая) новых пошлинах. Установление в результате сбора сведений состава и размеров старых повинностей послужило основанием для вынесения судебного решения, в котором были сформулированы правовые нормы. Эти нормы были закреплены выдачей нормативного акта – уставной грамоты, которой должны были руководствоваться игумен и крестьяне. Следовательно, здесь можно говорить о судебном правотворчестве [2, с. 90–91; 10, с. 174; 11, с. 18].

Зарубежные памятники права

Аналогию Русской Правде можно найти и в зарубежном законодательстве Древнего мира. Например, в Законнике вавилонского царя Хаммурапи, который также возник в результате переработки судебных решений. Распространенное в отечественных работах название «законы Хаммурапи» применительно к данному памятнику права создает неверное представление о множественности законов, хотя это всего лишь единый нормативно-правовой акт, текст которого высечен на базальтовой стелле. Более удачным видится название «законник». Законник Хаммурапи состоит из множества норм, разделенных учеными-юристами начала XX в. на 282 статьи, содержит также преамбулу и заключение–санкцию. Многие статьи в Законнике Хаммурапи сгруппированы по тематическому признаку, позволяющему выделить соответствующие рубрики, что указывает на работу кодификатора. Как отмечал М. Вебер: «На осно-

вании более ранних документов можно с уверенностью полагать, что Кодекс Хаммурапи не вводил собственно нового права, а кодифицировал существующее, и это была не первая попытка такого рода» [3, с. 190].

Исторически название «кодекс» не всегда может соответствовать его современному пониманию. Так, Г. Ф. Шершеневич относит к инкорпорации *Corpus Juris Civilis*. Так называемый «кодекс» представлял собой систематизированное изложение императорских конституций: «Типичную инкорпорацию представляет Кодекс Юстиниана, соединивший в одно все законы от Адриана до Юстиниана с соблюдением систематического и хронологического порядка» [16, с. 421].

Если говорить о так называемых «Законах Ману», то они так же, как и Кодекс Хаммурапи, являются единым нормативно-правовым актом, состоящим из 12 глав, разделенных на статьи, которые, в свою очередь, также сгруппированы по тематическому признаку. Наличие схожих и дублируемых норм в «Законах Ману», скорее, указывают на неоднократность переработки и дополнения текста. То же можно сказать и о Гортинских законах и Законах XII таблиц.

Законодательство XV–XVII вв.

К результатам кодификации следует отнести Псковскую судную грамоту [1, с. 277–309; 9, с. 103–109], Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г.

В преамбуле к тексту Псковской судной грамоты говорится о том, что она «выписана» из грамот великого князя Александра и князя Константина и «всех приписков псковских пошлин». Под великим князем Александром исследователи понимают либо князя Александра Невского, освободившего Псков в 1242 г. от ливонских рыцарей, либо тверского князя Александра Михайловича, лишившегося великого княжения и правившего в Пскове в 1327–1337 гг. (с перерывом в полтора года). Решение

вопроса об атрибуции «великого князя Александра» позволило бы определить время возникновения самого раннего письменного источника псковского права. Как отмечает Ю. Г. Алексеев, к 1395 г. в Пскове действовала грамота князя Александра, которую, по мнению митрополита Киприана, нужно было очистить от позднейших «приписок». Сами «приписки» к грамоте Александра возникли в период между 1382 и 1395 гг., что связывалось с присутствием в Пскове суздальского епископа Дионисия [1, с. 294, 300, 301]. Датировка Псковской судной грамоты 1397 г. (первая редакция), вероятно, указывает на время основательной переработки грамоты князя Александра и «приписок», что привело к созданию нового памятника – Псковской судной грамоты [1, с. 303]. Другой основой Псковской судной грамоты стала грамота князя Константина Дмитриевича (сына Дмитрия Донского), которую митрополит Фотий в 1416 г. называл «пакостной» и «душевредной». Возможно, именно с выписками из грамоты князя Константина связана вторая редакция Псковской судной грамоты. Дошедший до нас текст является третьей редакцией памятника, возникший после 1462 г., когда в Пскове был построен 5-й собор, упоминаемый в преамбуле [1, с. 291, 307, 308]. Заслуживает внимания ст. 108 Псковской судной грамоты, устанавливающая основные принципы кодификационной деятельности псковского веча: «А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложить господина Пскова на вечи, да тая строка написать. А которая строка в сеи грамоте нелюба будет господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамот» [1, с. 323]. Первая часть статьи («строки») указывает на порядок устранения пробелов в праве; вторая часть – на порядок отмены права. Если посадник обладает правом законодательной инициативы, то вече наделено верховной распорядительной

властью. Отметим также, что Псковская судная грамота была принята «всем Псковом на вечи». В целом изучение Псковской Судной грамоты особенно важно для понимания кодификационной техники средневековой Руси.

В вышедшем в 2020 г. сборнике статей, посвященном 370-летию Соборного уложения, Т. В. Шатковская видит в Русской Правде кодификацию правовых обычаев, а Е. О. Чинарян кодификацию начинает лишь с Судебника 1497 г. [15, с. 54; 14, с. 63–64]. В монографии английского историка Д. Х. Кайзера Судебники также отнесены к кодексам [7, с. 76].

Тот факт, что Судебник 1497 г. не включает в себя отдельные нормативные акты, говорит о том, что его нельзя назвать инкорпоративным сборником. Тем не менее в Судебнике прослеживаются элементы как консолидации законодательства (что подтверждается наличием заголовков указов, таких как «О наместничьем указе», «Указ о езде», «О недельщиках указ», «Указ наместникам о суде городском», «О татях указ»), так и кодификации. Последнее проявляется в стремлении составителей систематизировать статьи по тематическим разделам и включением новых статей (например, ст. 57 о норме Юрьева дня, предусматривающая срок крестьянского перехода и размер уплаты «пожилого»; ст. 27 «О безсудных», которые следовало выдавать с 8-го дня).

Судебник 1550 г. содержит более 30 новых статей по сравнению с Судебником 1497 г.¹ Подверглась переработке и часть прежних статей. Показательным стало добавление к текстам Судебника 1550 г. новоуказных статей, что позволяет определить особенности кодификации законодательства.

Кодификационная мысль законодателей Московской Руси достигла более высокого уровня в Соборном уложении 1649 г. (состоящее из 25 глав и 967 статей, оно стало результатом серьезной переработки всего предыдущего

¹ Российское законодательство X–XX веков. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 2. С. 50.

законодательства). Как отмечает Т. В. Шатковская, Уложение привело к перелому в осуществлении юридической деятельности, а именно: «установлением централизованного порядка правового регулирования и усилением юридической ответственности»; «закреплением начал формальной определенности и общеобязательности юридических норм и предписаний Уложения»; «использованием юридико-технических приемов структурирования текста закона, обобщения и систематизации правового материала, а также формулировки юридических норм»; «введением практики обнародования нормативно-правовых актов в форме их публикации» и пр. [14, с. 55].

Р. Кабриак в своей работе о кодификациях приводит мнение историка права Ж. Вандерлиндена, исследовавшего понятие кодекса в Западной Европе в XIII–XIX вв. и считавшего, что «содержанием кодекса является либо право в целом, либо важная часть его источников или его отраслей» [6, с. 108], а по форме кодекс представляет собой «некую совокупность, целостность, т. е. результат объединения ряда частей, которые, как надо предполагать, ранее были совершенно разобщены» [6, с. 108]. Сам Р. Кабриак определяет основу понятия кодекса как «совокупность разрозненных правовых норм, приведенных в форму единого целого. В такой ситуации кодификация предстает в качестве деятельности по приданию правовым нормам такой формы, в которой они становятся единым целым» [6, с. 108–109].

Систематизация законодательства в Российской империи XIX в.

Достаточно распространено в науке (особенно, в исторической) мнение о том, что М. М. Сперанским была проведена кодификация российского законодательства, примерами которой называют Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской импе-

рии. Но еще в начале XX в. Г. Ф. Шершеневич определил, что в Российской империи в XIX в. была проведена инкорпорация [16, с. 423–424]. Он дал очень точную характеристику развития русского права в XVIII – первой четверти XIX в.: «После кодификации всего русского права, происшедшего в половине XVII столетия в виде Соборного Уложения Алексея Михайловича 1649 г., возникали неоднократно попытки выйти из этого хаотического состояния, в каком оказалось русское право вследствие резкой ломки московской старины петербургскими новшествами. От Петра I до Николая I мы наблюдаем это искание выхода из создавшегося положения. Но при этом обнаруживаются резкие колебания то в сторону инкорпорации, то в сторону кодификации» [16, с. 424]. Однако, как отмечал ученый, эти попытки не имели успеха «потому, что не хватало знаний и людей. Утрачены были традиции дьяков московских приказов, но не создалась еще юридическая научная школа. Отсутствие подготовленных юристов русского происхождения – главная причина всех неудач на почве инкорпорации и кодификации» [16, с. 424]. Николай I отклонил предложение М. М. Сперанского о проведении кодификации, предпочтя инкорпоративную форму систематизации законодательства [16, с. 425–426]. Данный подход при характеристике Собрания и Свода характерен для советской и современной российской юридической науки. Однако подход к упомянутым собраниям в последние два десятилетия, прошедшие после выхода на русском языке монографии французского цивилиста Р. Кабриака, стал не таким однозначным [4, с. 18–22]. Вопрос здесь заключается в том, нужно ли отказываться от отечественной концепции кодификации и переходить на французскую. Юридическая наука в России имеет свои устоявшиеся традиции, и заимствование зарубежных концепций (даже самых новых) не всегда бывает продуктивным.

Известный французский компаративист Р. Давид полагал, что российское законодательство от Русской Правды до Свода Законов 1832 г (включительно) – «всё это консолидация, изложение, а не реформа в целом и не модернизация права» [5, с. 156].

Заключение

Итак, понятийный аппарат российской юридической науки отражает современный уровень развития законодательства, в том числе и существующие формы систематизации нормативно-правовых актов. Дошедшие до нас исторические памятники права допустимо рассматривать в рамках общей теории права с поправкой на исторические особенности законодательства прошлого. Упоминавшиеся памятники права средневековой Руси (Русская Правда, Псковская судная грамота, Судебники, Соборное уложение), а также зарубежного законодательства (Законы Хаммурапи, Законы Ману, Гортинские законы и Законы XII таблиц) не являются инкорпоративными сборниками. Их можно отнести к кодифицированным актам или консолидированно-кодифицированным. Тогда как Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи¹ являются примерами инкорпорации законодательства, так как состоят из самостоятельных юридических актов.

Список литературы

1. Алексеев Ю. Г. Псков и Новгород накануне присоединения к Российскому государству (XIV–XV вв.) – СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2020. – 608 с. EDN: UIVQAN
2. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 449 с. EDN: RVSFHL
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – Т. 3. Право. – 336 с. EDN: YXWORF

¹ Последний с некоторыми оговорками.

4. Головкин Л. В. Вступительная статья // Кабриак Р. Кодификации / пер. с фр. Л. В. Головкин. – М.: Статут, 2007. – С. 8–23.
5. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.
6. Кабриак Р. Кодификации / пер. с фр. Л. В. Головкин. – М.: Статут, 2007. – 476 с. EDN: QXFXNT
7. Кайзер Даниэль Х. Рост права в средневековой России / пер. с англ. А. Ю. Дворниченко. – М.: Весь Мир, 2024. – 360 с.
8. Липень С. В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75. – № 2 (183). – С. 132–147. EDN: FQCVZO
9. Мрочек-Дроздовский П. Н. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов // Юридический вестник. – 1884. – № 5–6. – С. 103–109.
10. Петров К. В. Уставные грамоты (акты) наместничьего управления XIV – начале XVI вв.: генезис правовой формы нормативного акта // Ленинградский юридический журнал. – 2006. – № 2 (6). – С. 169–175. EDN: MWBCWP
11. Петров К. В., Стрельников С. В., Штыков Н. В. Эволюция государственного управления и судостроительства в XIV–XV вв. в работах Ю. Г. Алексеева // Алексеев Ю. Г. Государство и право в эпоху формирования Российского государства (XIV–XV вв.). – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. – С. 5–20. EDN: MMDINV
12. Систематизация законодательства как способ его развития / отв. ред. В. А. Сивицкий. – М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. – 535 с. EDN: QRWNPV
13. Стрельников С. В. О видах систематизации законодательства: от Русской Правды до Соборного Уложения // Комплексный подход в изучении Древней Руси: сб. материалов XII Международной конференции (11–15 сентября 2023 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». – М.: Индрик, 2023. – С. 21–22. EDN: AUESWJ
14. Чинаряна Е. О. Первые кодифицированные правовые памятники Русского государства эпохи Средневековья с точки зрения законодательной техники // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сб. науч. трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – М.: ИНФРА-М, 2020. – С. 63–68. EDN: GJGNVF
15. Шатковская Т. В. Исторические вехи российской кодификации и ее влияние на развитие отечественного права // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сб. науч. трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – М.: ИНФРА-М, 2020. – С. 53–62.
16. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911. – Вып. 2. – 806 с.

References

1. Alekseev, YU. G. (2020) *Pskov i Novgorod nakanune prisoedineniya k Rossijskomu gosudarstvu (XIV–XV vv.)* [Pskov and Novgorod on the eve of joining the Russian state (XIV–XV centuries)]. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko. (In Russian). EDN: UIVQAN
2. Alekseev, YU. G. (2001) *Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma* [The Judgment of Ivan III. Tradition and reform]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russian). EDN: RVSFHL
3. Veber, M. (2018) *Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii: v 4 t.* [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 vols.]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. Vol. 3. Law. (In Russian). EDN: YXWORF

4. Golovko, L. V. (2007) *Vstupitel'naya stat'ya* [Introductory article]. Kabriyak R. Kodifikacii [Codifications]. Moscow: Statut. (In Russian).
5. David, R. (1988) *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [The main legal systems of our time]. Moscow: Progress. (In Russian).
6. Kabriyak, R. (2007) *Kodifikacii* [Codifications]. Moscow: Statut. (In Russian). EDN: QXFXNT
7. Kajzer, Daniel' H. (2024) *Rost prava v srednevekovoj Rossii* [The Growth of the Law in Medieval Russia]. Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
8. Lipen', S. V. (2022) Transformaciya teorii sistematizacii zakonodatel'stva v epohu cifrovizacii prava [Transformation of the theory of systematization of legislation in the era of digitalization of law]. *Lex Russica (Russkij zakon)*. Vol. 75. No. 2 (183). Pp. 132–147. (In Russian). EDN: FQCVZO
9. Mrochek-Drozdovskij, P. N. (1884) Glavnejšie pamjatniki russkogo prava epohi mestnyh zakonov [The main monuments of Russian law of the era of local laws]. *YU-ridicheskij vestnik – Legal Bulletin*. No. 5–6. Pp. 103–109. (In Russian).
10. Petrov, K. V. (2006) *Ustavnye gramoty (akty) namestnich'ego upravljeniya XIV–nachale XVI vv.: genezis pravovoj formy normativnogo akta* [Statutory charters (acts) of viceroyalty administration of the XIV–early XVI centuries: genesis of the legal form of a normative act]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 2 (6). Pp. 169–175. (In Russian). EDN: MWBCWP
11. Petrov, K. V., Strel'nikov, S. V., Shtykov, N. V. (2019) Evolyuciya gosudarstvennogo upravljeniya i sudoustrojstva v XIV–XV vv. v rabotah YU. G. Alekseeva [Evolution of state administration and judicial system in the XIV–XV centuries in the works of Yu. G. Alekseev]. Alekseev, YU. G. *Gosudarstvo i pravo v epohu formirovaniya Rossijskogo gosudarstva (XIV–XV vv.)* [State and law in the era of the formation of the Russian state (XIV–XV centuries)]. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko. (In Russian). Pp. 5–20. (In Russian). EDN: MMDINV
12. Sivickij, V. A. (2010) (ed.) *Sistematizaciya zakonodatel'stva kak sposob ego razvitiya* [Systematization of legislation as a way of its development]. Moscow: Izd. Dom Gos. un-ta – Vysshaya shkola ekonomiki. (In Russian). EDN: QRWNPV
13. Strel'nikov, S. V. (2023) O vidah sistematizacii zakonodatel'stva: ot Russkoj Pravdy do Sobornogo Ulozheniya [On the aspects of the systematisation of legislation: from the Russian Pravda to the Sobornoe ulozhenie]. *Kompleksnyj podhod v izuchenii Drevnej Rusi* [Complex Approach in the Study of Ancient Russia]. Proceedings of the XII International Conference (September 11–15, 2023, Moscow, Russia). Supplement to the journal "Ancient Russia. Issues in Medieval Studies". Moscow: Indrik. Pp. 21–22. (In Russian). EDN: AUESWJ
14. Chinaryan, E. O. (2020) Pervye kodificirovannye pravovye pamjatniki Russkogo gosudarstva epohi Srednevekov'ya s tochki zreniya zakonodatel'noj tekhniki [The first codified legal monuments of the Russian state of the Middle Ages from the point of view of legislative technique]. *Sistematizaciya zakonodatel'stva i dinamika istochnikov prava v istoricheskoy retrospektive (k 370-letiyu Sobornogo ulozheniya)* [Systematization of Legislation and Dynamics of Sources of Law in Historical Retrospect (to the 370th Anniversary of the Sobornoe ulozhenie)]. Collection of Scientific Works. Eds. D. A. Pashenceva, M. V. Zaloilo. Moscow: INFRA-M. Pp. 63–68. (In Russian). EDN: GJGNVF
15. SHatkovskaya, T. V. (2020) Istoricheskie vekhi rossijskoj kodifikacii i ee vliyanie na razvitiye otechestvennogo prava [Historical milestones of Russian codification and its impact on the development of domestic law]. *Sistematizaciya zakonodatel'stva i dinamika istochnikov prava v istoricheskoy retrospektive (k 370-letiyu Sobornogo ulozheniya)* [Systematization of Legislation and Dynamics of Sources of Law in Historical Retrospect (to the 370th Anniversary of the Sobornoe ulozhenie)]. Collection of Scientific Works. Eds. D. A. Pashenceva, M. V. Zaloilo. Moscow: INFRA-M. Pp. 63–68. (In Russian).

16. SHershenevich, G. F. (1911) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: Izdanie Br. Bashmakovyh. Issue. 2. (In Russian).

Об авторе

Стрельников Сергей Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-5497-6326, e-mail: sstrelnikov@mail.ru

About the author

Sergey V. Strelnikov, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0006-5497-6326, e-mail: sstrelnikov@mail.ru

Поступила в редакцию: 25.04.2025
Принята к публикации: 24.05.2025
Опубликована: 30.06.2025

Received: 25 April 2025
Accepted: 24 May 2025
Published: 30 June 2025